

УДК 130.2+141.32+1(091)

DOI: 10.37482/2687-1505-V219

ЖЕЛЕЗНЯК Владимир Николаевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета. Автор 102 научных публикаций, в т. ч. пяти монографий, трех учебных изданий*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1961-6406>

ПОЛИТОВ Андрей Викторович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета. Автор 40 научных публикаций, в т. ч. одной монографии, двух учебных изданий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4175-9040>

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРЕ И ГЕРОЕ В ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ М.М. БАХТИНА РАННЕГО ПЕРИОДА

Статья представляет собой онтолого-экзистенциальную интерпретацию ранних работ М.М. Бахтина («Искусство и ответственность», «К философии поступка», «Автор и герой в эстетической деятельности»), содержащих глубокую в философско-антропологическом и новаторскую в историко-философском планах диалектику автора и героя. Исследование исходит из предположения, что М.М. Бахтин невельско-витебского периода стремился к экзистенциальному и этическому углублению эстетики словесного творчества, утверждая (в онтологической плоскости) бытие героя и, соответственно, бытийный статус автора и художественного произведения. С «автором» (субъективно-вовлеченной позицией) можно поспорить, с бытием (объективно-внеположенной позицией) – нельзя; бытийствующий (подлинный) автор присутствует в произведении в виде трансгredientных (внеаходимых, внеположенных) сознанию героя событийных свершений. Если жизнь героя раскрывается как последовательное поступление, то действительный автор сокрыт в судьбе героя (собственно есть его судьба) и должен нести ответственность за него. Чтобы охватить свою жизнь в целостном событии, индивиду необходимо «исчезнуть» как психологическому субъекту в практической процедуре онтологического обращения сознания и соотносить себя с моментами, трансгredientными его личности. Сумму таких моментов и можно назвать человеческой судьбой. Чтобы быть полноценным, действительным автором для героя, «субъект» должен стать автором для самого себя (независимо от того, собирается ли он стать художником или нет); в результате возникает объективная бытийная и экзистенциальная ситуация, в которой герой и автор претерпевают онтологическо-эстетическое обращение (нейтрализацию дурной субъективности).

Ключевые слова: М.М. Бахтин, антропология, человек, внеаходимость, бытийное обращение, философская эстетика, автор, герой.

*Адрес: 614990 г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29, e-mail: shlezo2@gmail.com

**Адрес: 614990 г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29, e-mail: erikhczeren@yandex.ru

Для цитирования: Железняк В.Н., Политов А.В. К вопросу об авторе и герое в философской антропологии М.М. Бахтина раннего периода // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 6. С. 83–93. DOI: 10.37482/2687-1505-V219

**Введение. К значению
ранних антропологических идей
М.М. Бахтина**

Труды М.М. Бахтина начала 20-х годов XX столетия («К философии поступка» [1], «Автор и герой в эстетической деятельности» [2])¹, которые ряд исследователей (М. Холквист, К. Кларк [4, с. 37–39]) склонны рассматривать в рамках фактически единого, но так и не завершенного текста или по крайней мере группы текстов, объединенных одной общей темой, которую можно обозначить как «Архитектоника ответственности», следует полагать уникальным явлением в философии XX века. Не только потому, что эти работы знаменуют появление выдающегося мыслителя и конгениальны, скажем, онтологическим штудиям М. Хайдеггера 1920–1930-х годов или пафосу первого «восьмикнижия» А.Ф. Лосева, но, прежде всего, в силу манифестированного в них принципа подлинности жизни и труда ученого – не абстрактного и в результате обезличенного «деятеля науки», но живого, действительного и конкретного человека, которым может быть только сам думающий, пишущий и говорящий об этом автор – сам М.М. Бахтин².

В свете этого философско-антропологическое значение диалектики автора и героя, являющейся одним из центральных мотивов ранних философских работ М.М. Бахтина, как представляется, нуждается в существенной экзистенциально-онтологической реинтерпретации,

тем более что еще известный историк отечественной философии Н.К. Бонеецкая определила мыслителя как одного из первых русских экзистенциалистов [6, с. 182–417; 7, с. 544–580]. Непосредственно обратившись к ранним текстам М.М. Бахтина, можно заметить уникальный, особенно присущий им эффект: все сказанное автором – человеком из «плоти и крови», по знаменитому выражению философа, – не носит характер отвлеченного абстрактного теоретизирования. Это не общая искусствоведческая пропедевтика или что-нибудь подобное, но практическая реализация прожитых и продуманных им теоретических подходов.

Если в романе автор-писатель может и не говорить о самом себе, хотя и не может полностью исключить себя из круга (или жизненного мира) своих героев, то автор теоретико-философского труда прямо себя в нем манифестирует; М.М. Бахтин в данном случае и герой, и автор; жизнь, видение и понимание жизни артикулированы в его творчестве. Эстетика художественного творчества выбрана М.М. Бахтиным в качестве почвы для его философской антропологии³, поскольку жизнь и искусство, бытие и творчество – автор и герой – оказываются «целокупно» связанными⁴; вне этой связи нет ответственности, нет «поступления», но зато обнаруживается «ложное алиби в бытии». В этом теоретическая и методологическая установка раннего М.М. Бахтина, из которой мы намерены исходить.

¹Согласно авторитетному бахтиноведу С.Г. Бочарову, сам М.М. Бахтин сформулировал значение данных работ следующим образом: «Это моя философская антропология» [3, с. 351].

²Особенность М.М. Бахтина как ученого – сочетание человеческой скромности и ответственности философа. Поэтому в цикле «Архитектоника ответственности» нет деклараций от первого лица, но есть практическое, в каждом положении и слове, выражение автора и его философии. Приведем одну из крайне немногочисленных автохарактеристик М.М. Бахтина (из бесед с В.Д. Дувакиным): «Я философ. Я мыслитель. ... в Петрограде <...> философское [отделение] одно не давало <...> профессии. <...> Я считаю, что правильно. Ведь кто такой, в конце концов, философ? ...» [5, с. 42].

³Изначальные мотивы и эволюция философской антропологии М.М. Бахтина, помимо указанных исследователей, были рассмотрены также В.Л. Махлиным [8, с. 15–63], Н.И. Николаевым [9, с. 32–34], Г.С. Морсоном, К. Эмерсон [10, с. 72–97], К. Хиршкопом [11, с. 57–60], А.А. Сычевым [12, с. 121–129], В.А. Коневым, В.Н. Ивановой [13, с. 35–49] и др.

⁴Что отмечено М.М. Бахтиным в первой его известной заметке – «Искусство и ответственность» [14].

Исходная теоретическая проблема

Ключом к пониманию наследия невеличского периода является анализ описания (фактически лабораторно-экспериментального порядка) процедур внеаходимости – как они были реализованы М.М. Бахтиным «в себе и на себе». Вытекающее отсюда центральное положение настоящего исследования можно свести к следующему: существуют определенные антропологические (происходящие из природы человеческих способностей), экзистенциально-феноменологические и теоретико-познавательные предпосылки, делающие возможным появление самой позиции автора. Этими способностями в той либо иной степени обладает каждый человек; экзистенциальная возможность стать автором собственного бытия присуща каждому человеку как его антропологически заданное «шасси».

Художник создает автономное бытие; но возможно ли это, если он, сознавая или нет, не обрел бытие в себе самом? Тайна творчества (бытийного и художественного) состоит в том, что человек в состоянии занять позицию судьбы-демиурга по отношению к себе самому. Для этого он «сам», его «я», «личность» должны исчезнуть – все это воплощается, выражается, овнешняется, овеществляется и даже объективируется в веществе жизни, в материи и форме мира; автор исчезает в сериях пластических выражений и интонаций, становится фактически реализованным в своем наличном бытии. Наследие М.М. Бахтина – арена практических или даже экспериментальных процедур, а не только теоретических изысканий. Не культивируя онто-эстетических способностей, трудно разобраться в философских основаниях эстетики мыслителя.

Обыкновенно человек замкнут в оболочке своего я. И хотя далеко не всех это обстоятельство погружает в глубокое подполье, где сознание превращается в болезнь (вспомним героев Ф.М. Достоевского), проблема выхода за пределы своего я (жестко централизованного трансгрессивным Его или управляемого подсознанием) остается важнейшим философским вопросом, веса которому придает то обстоятельство,

что вопрос этот относится более к практической сфере, нежели к теоретическим построениям. Человек может попытаться (так сказать, в экспериментальном порядке) выйти не к феноменологической данности и заданности объекта, но к вещам и людям самим по себе, как таковым – каковы они вне меня, без меня и до меня. Ведь чтобы «увидеть» сущее, необходимо элиминировать себя из мира (стать медианным). Можно заменить себя другим; это правомерно, исходя из социальной природы человека и морально-религиозной практики; но могу ли я стать другим по отношению к себе? Проблема в том, чтобы теоретически и практически найти путь к бытию. Не является ли единственным средством для этого то, что М.М. Бахтин называл «эстетическим отношением» (а мы – онто-эстетическим обращением)?

Общая идея онто-эстетического обращения

Ключевой философский концепт, извлекаемый из диалектики автора и героя ранней антропологии М.М. Бахтина, можно определить как онто-эстетическое обращение – процедуру (медиальную практику), включающую в себя стадии: 1) совершается «взгляд со стороны», где воображение, восприятие теряют связь с субъектной активностью (перестают быть актами полагания со стороны субъективного я); 2) осуществляется внутренняя и внешняя деятельность «под категорией дружности» – «я сам» отношусь к своей жизни (ее эпизодам и историям) как сюжетам моего «романа»; 3) «я-сам» выношу себя за пределы этих «историй» и оказываюсь за границами, обрамляющими, завершающими и, как любил говорить М.М. Бахтин, милующими события моего жизненного «романа»; 4) выход к чистой фактичности и простой данности жизненного бытия; противоречия субъектно-объектной оппозиции не исчезают (ибо это невозможно), но форма их трансформируется под действием фундаментальной установки внеаходимости; 5) жизненное время разворачивается в модусе прошедшего-ставшего; тирания воспоминаний, несбыточных фантазий и утопических планов не исчезает, но становится нейтральной (как бы не моей, а моего героя, который в сюже-

те моей жизни таков, каков он есть); 6) история моей жизни (как в целом, так и каждого ее эпизода) оплотняется и уплотняется («сочиняется»), обретая статус наличного бытия; 7) «animus», «ratio», «дух» не исчезают в нейтральной, нерелефированной повседневности, но сполна воплощаются и выражаются в моем наличном бытии.

Для нас важны возможность бытийного обращения человеческой субъективности и роль эстетического отношения в ней. Существенным моментом такого обращения является не акт эстетического (художественного) созерцания, а то, что антропологически и экзистенциально делает его возможным. Я и другие движемся в разных плоскостях, но дело в том, чтобы эти плоскости совместить реально, бытийно – не абстрактно-научно; мы в состоянии увидеть самих себя в качестве героев своей жизни; и только в этом случае мы становимся и ее авторами [2, с. 85].

Трансгредентность и интонирование

Автор устраняет себя из единого с героем «события жизни» (даже в том случае, когда автор и герой совпадают) [1, с. 64]; структурно подобное фундаментальное бытийное «эпохе» (вне художественной или какой-либо другой установки) представляет следующее: 1) позиция безучастного зрителя (в познавательном, этическом и каком угодно отношении); 2) «поле жизни героя», которое в случае такого обобщения превращается в поле наличного бытия индивида, практикующего позицию вневходимости; 3) появление нового «плана бытия» – существование меня, превращенного в героя моего собственного романа; фабула моей жизни превращается в заверченный сюжет благодаря автору, который – тоже я, но занявший позицию трансгредентности по отношению к доселе открытому событию моей жизни [1, с. 64]. Исходное соотношение автора и героя таково: имеется некое текучее событие, которое – от начала и до конца – объемлется и завершается творческим сознанием автора [1, с. 59]. Автор интонирует каждую подробность своего героя. Но почему выбран этот странный музыкаль-

ный термин? Интонировать – значит пластически выражать (в звуковой или, строго говоря, в какой угодно материи). Автор не «рассказывает» историю героя, он интонирует его жизнь – осмысленное движение во времени. Когда мы «ценностно реагируем», мы также интонируем окружающие нас явления. Интонирование, однако, предполагает реакцию на целое, уже нами законченное явление, по отношению к которому мы являемся его автором и его судьбой. Интонирование – это выражение и воплощение в беге моментов времени идеи целого. Можем ли мы интонировать такое целое в самих себе?

Автор есть формирующая энергия – не в «психологическом сознании», но творческая энергия, опредмеченная в произведении [1, с. 61]. При этом обнаруживается ритм образа героя, его интонационная структура и наполняющие ее смысловые моменты. Есть разница в том, что разыгрывается в моем сознании и что может быть описано мной в порядке вульгарной рефлексии или гуссерлианской дескрипции. Дело в исходящей от меня энергии синтеза всех разрозненных моментов моей жизни, в ритме и интонационной структуре этого синтеза, – во мне как герое моего собственного жизненного романа. Мое «событие бытия» в данном случае радикально (динамично и драматично) модифицируется: из иллюзорного автора («актера») я превращаюсь в пассивного героя, в то время как другая сторона моего наличного бытия исчезает во вневходимых элементах, расположенных на границе события моей жизни (прежде всего, временной границе). Важно подчеркнуть уникальность вневходимости как феноменолого-онтологической процедуры [1, с. 65], ведь «наше сознание никогда не скажет самому себе завершающего слова» [2, с. 98]. Попытки занять позицию вневходимости чаще всего заканчиваются обратным падением в себя самого; и лишь «эстетическая самообъективация автора-человека в героя» делает такой возврат невозможным.

Выход к другому – к подлинному себе

Не надо спорить или соглашаться с героем – необходимо выйти «из нудительной затаенно-

сти в прекрасную данность бытия героя» [2, с. 100], ведь речь идет не о познавательной, этической или даже традиционно эстетической позиции, но об онтологической трансформации [1, с. 66; 2, с. 69–70]. Человек не просто занимает (в нашем случае) позицию вневходимости по отношению к своей собственной жизни, тем самым романизируя ее, а заодно и ее разнобразное социальное наполнение, но перестает с ней спорить, теоретизировать по ее поводу, оценивать, – он дает ей возможность существовать без него⁵. От простой данности своего существования человек переходит к состояниям героя и автора; теперь он вправе сочинить свою жизнь, как поэму, потому что, будучи трансгрессионной самому себе интонацией, становится собственной судьбой. Здесь можно было бы добавить: и таков художник! Однако ситуация вневходимости, по всей видимости, присуща человеческой природе как таковой.

В своей жизни и своих мечтах я никак не выражен внешне; если же я возьмусь рассказывать свои истории или мечты, то превращаюсь в героя моих рассказов. В художественном творчестве событие или история выражаются в одном пластически-живописном образе [2, с. 72]. Если я – герой моего рассказа о себе самом, то пластически или интонационно выражен и воплощен в нем. Это означает, что человек способен не только к рефлексии разного рода, но и к выходу за пределы себя как субъективного я – к интонационно-пластическому выражению себя вовне, в им сочиненном и причиненном бытии. Главное – момент внешней выраженности [2, с. 119]. Интеллектуальное постижение или психологическая рефлексия – это идеальная «внутренняя» сфера; интонационно-пластическое выражение вовне принадлежит к новой реальности, в которой мое бытие закончено и обрело целостность. Только такое эстетическое обращение и выражение меня самого позволяет мне увидеть себя за пределами моей «психологии», моих знаний, убеждений... – в самой действи-

тельности. Эстетическое выходит за пределы чисто художественных проявлений и обретает широкие антропологические и экзистенциальные смыслы.

Первый критерий подлинно эстетического отношения – именно такое завершение одним существом другого в его жизненной судьбе или завершение судьбы другой вещи, растения, животного – вплоть до мироздания в целом [1, с. 59]. Разумеется, такое завершение – как будто ты демиург или сама судьба – можно реализовать только в «конкретно-воззрительном», смысловом образе (в эйдосе). Принципиальность эстетического отношения состоит в том, что мы интонируем предмет тотально, в его законченной идее. При этом для нашего замысла имеет особое значение, что борьба художника за образ героя есть борьба его с самим собой [1, с. 59]. И для художника и для философа, размышляющего о природе его творчества, это борьба за собственную целостность, за возможность завершить себя во времени, выйти за пределы себя, увидеть себя со стороны собственных границ. Дело не в том, чтобы я слился с другим в некоем сентиментальном братстве; дело в напряжении моей «вневходимости и неслиянности» с этим другим. Будучи трансгрессионным относительно внутреннего его другого, я являюсь таковым и относительно себя самого [2, с. 110–115].

А таким я должен быть вне контуров субъективной или какой-либо иной частной (внебытийной) активности. Позиция принципиальной вневходимости (относительно любого человека или любой вещи) позволяет наделять другого или другое формой (сформировать его извне, изваять и закончить в жизненных границах). Так появляется категория воплощения (ср. с выражением у А.Ф. Лосева [16, с. 184–186]). Дело не в том, чтобы нечто вложить в человека, а в том, чтобы его внутреннее содержание («я», «дух») было выражено, воплощено вовне. И мое собственное «я» (самосознание, cogito, атман...)

⁵«В пустоте оставляю себя самого, / Равнодушно смотрю на себя – на него. / Здравствуй, здравствуй, моя ледяная броня, / Здравствуй, хлеб без меня и вино без меня» (А.А. Тарковский) [15].

я могу и должен воплотить во внешних границах себя, как будто я герой для себя самого, придать себе форму, продуктивно завершить и закончить себя, как будто я другой самому себе. Мы размыкаем и замыкаем свои собственные границы: «Эта встреча двух движений на поверхности человека и оплотняет ценностные границы его, высекает огонь эстетической ценности» [2, с. 166].

Чрезвычайно интересно употребление здесь мыслителем выражения «оплотняет... границы», в результате чего возникает собственно эстетическая ценность⁶. По-немецки *dichten* одновременно означает сочинять (например, стихотворение) и уплотнять, сгущать, герметично заделывать (что мастерски обыгрывалось М. Хайдеггером⁷). Но что, казалось бы, общего между поэзией и уплотнением? Сочинить (*dichten*) вещь – значит собрать ее вместе, окружить границей, закончить, завершить и в себе и для другого. Эстетически данная вещь – плотная, пластически оформленная и проинтонированная в своих границах. Художник сочиняет мир (но не «выдумывает» его, как считает обыватель) и представляет нам сотканное мироздание в его самобытии, собственном жизненном обстоянии, – являясь трансгредивным автором; впрочем, русские слова «сочинять», «учинять», «вчинять» тоже указывают на действие, нечто вносящее и прибавляющее.

Ритм и время (темпоральность)

Диалектика автора и героя событийна, поскольку имеет место на границе явленности бытия; она не просто разворачивается во времени, но собственно есть временное становление/

свершение («событие бытия», которому уделено столь важное место в «Философии поступка» [1, с. 11–41]). Как происходит открытие временности в антропологии М.М. Бахтина раннего периода? Здесь следует обратить внимание на оригинальную его концепцию «дух–душа–тело» [2, с. 122]. Дух – рефлексия я, выражающаяся в актах мышления и в любых актах, им полагаемых. Дух – чистая, невоплощенная активность. Эстетическое обращение требует воплощения духа и чистого картезианского я. Воплощение может осуществляться только в другом. Моя рефлексия может породить только «дурную и разрозненную субъективность».

Все дело в том, что я – человек, осознающий себя в качестве некоторого субъекта, – может занимать позицию венаходимости по отношению к бытию, и тогда событие (в том числе и с участием «другого») предстанет «в новом плане мира» [2, с. 178]. Воплощение духа в душе, души в теле, души другого в теле и мире другого имеет в своем наличном бытии иную темпоральную размерность, нежели чистая рефлексия духа; мы сталкиваемся с временной категорией ритма.

Эстетически и онтологически обращенное бытие реализуется «не в хронологическом и не в математическом времени» [2, с. 183], альтернативой которым выступает время другого: только став другим, я обрету полное явление в бытии. Если я переживаю себя «в категории другого», то мой дух, генерирующий смысл, онтологически обращается, удаляя себя из плотной конкретности моей внутренней жизни, в мою/не мою конкретно сущую душу.

⁶М.М. Бахтин также говорил и о «самоуплотненном самоутверждении бытия» относительно индивида (или даже бытия вообще), а не отношения «я – другой». Собственно, здесь два термина: оплотнение и уплотнение. Оплотнение – воплощение, обретение плоти в границах эстетического выражения. Это нормальное, здоровое уплотнение смысла. Но есть и «дурная уплотненность», когда субъективный смысл застревает в своей невоплощенной самости [2, с. 109].

⁷«Die Mitteilung der existenzialen Möglichkeiten der Befindlichkeit, das heißt das Erschließen von Existenz, kann eigenes Ziel der “dichtenden, Rede werden» («Сообщение экзистенциальных возможностей нахождения в бытии, т. е. открытие экзистенции, может стать собственной целью “сочиняющей” речи») [17, с. 162]. В переводе В.В. Библикина: «Сообщение экзистенциальных возможностей расположения, т. е. размыкание экзистенции, может стать своей целью “поэтической” речи» [18, с. 162]. Ср. также: «Поэт переживает свою поэтическую профессию как призвание к слову – источнику бытия» [19, с. 159].

Ритм – это не инициированная мною последовательность действий, синхронизированная посредством часов и календаря, а переживания действий, «прекрасной данности мира», в которых полностью растворены цели, смыслы, планы, надежды, опасения, неопределенность будущего и т. п.

Если время экзистенции задается из будущего (как экзистирование у М. Хайдеггера [20, с. 323–333]), то время уже свершенного (автор в роли судьбы трансгredientен происходящему) задается прошлым. Эстетическое (онтологическое) обращение означает смену временных полюсов – зеркальную перестановку модусов времени. Я живу не из будущего, но в уже свершившемся настоящем. Для моего традиционного я-субъекта это означает потерю субъективности и погружение в своеобразный экстазис, ибо я выхожу за пределы себя самого: «Ритмом я могу быть только одержим, в ритме я, как в наркозе, не сознаю себя» [2, с. 191].

Ритм связан с темпоральным аспектом завершения целого. «Милование», «милюющее оправдание» чего-либо («другого», себя, вещи, мира, бытия) означает, что судьба этих «героев» уже решена, сбылась [2, с. 134]. Если я сам – герой моего реального жизненного романа, то уже сбылась и моя судьба, спрятанная в трансгredientном смысле моей жизни, и я живу не во «времени» часов и календаря, но в живых интонациях ритма моего наличного бытия. Проясняется взаимодействие модусов времени в структуре эстетического созерцания [2, с. 81]. Будущее разлагает зрительный образ предмета, данный в настоящем; из этого нельзя сделать вывод о том, будто автор не действует из будущего героя – в качестве его судьбы и энтелехии.

Дело заключено в том, что М.М. Бахтин находит антропологические и экзистенциальные условия, делающие возможной эстетическую позицию: если человек в состоянии выйти из жесткой сцепки причин и следствий, пронизывающей процесс любой деятельности, равно как и из жестко ориентированного на прагматическое изменение предмета сознания, то ему доступен не разъятый на отдельные свойства и

стадии операционального воздействия, но целостный, самодостаточный в своем свободном обстоянии предмет; человек в состоянии выйти к бытию предмета, вещи (не «объекта», заданного субъективно). И эта способность делает возможным эстетическое созерцание.

В результате в акте эстетического созерцания мы выходим за пределы трехмодусной структуры времени («презентатистской» схемы времени). Настоящее вещи или лица приобретает в некотором смысле абсолютный характер – в нем отражается отблеск вечности. Станным образом эстетическая позиция по своей парадигме отсылает к «этернализму» современной нам физики. Достоинство автора очень высоко; он творит не просто из будущего – он представляет настоящее настоящее. Художественно воспринятая и пластически-живописно выраженная «ткань окружающего бытия» «принципиально трансгredientна» сознанию действующего (равно как и познающего, оценивающего, планирующего) субъекта [2, с. 82].

Все упирается в феномен венаходимости, например, другого. Но я и сам могу быть венаходим относительно себя самого. И в моем бытии (*die Umwelt*) есть трансгredientные по отношению к моей субъективности горизонты. И это есть мое атрибутивное человеческое свойство, независимо от того, собираюсь ли я стать художником или нет. Трансгredientность меня-другого по отношению ко мне как субъекту и делает возможным выход к настоящему настоящему – а не к «настоящему» как только формальному моменту между будущим и прошлым.

Заключение

Сформулируем общий смысл экзистенциально-эстетического обращения, в котором раскрывается диалектика автора и героя М.М. Бахтина. Автор занимает приоритетную в онтологическом отношении позицию – относительно наличного материала жизни и наполняющих ее событий. Он может «сгустить» жизнь, завершив событие, превратив его в эпизод своего собственного романа, завершить жизнь другого человека, превратив его в героя своего произведения. Но такое эстетическое «сгущение»

имеет место при одном-единственном условии – *внеаходимости* автора по отношению к стихии жизни. Я, безусловно, могу выступать автором моего собственного жизненного романа. Я в этом случае – герой этого романа, но я же являюсь и его автором. Им меня делает наличная культурно-историческая ситуация, благодаря которой моя жизнь предстает как некоторое событие в мире. В этом случае мое «я» перестает быть внутренним сознанием и получает внешнее, пластическое выражение. «Мое» сознание перестает быть «моим» и, более того, перестает быть простой психической эмпирической данностью. Оно становится объективным смыслом бытийной ситуации.

В онто-эстетическом праксисе происходит совпадение автора и героя; я предстал перед самим собой в качестве героя моей собственной жизненной драмы. Я живу теперь принципиально иначе, нежели до сих пор. Описанные М.М. Бахтиным практики и соответствующий опыт выходят за границы собственно эстетической теории, равно как и научной рефлексии вообще. Это – фундаментальный человеческий опыт, позволяющий обрести себя не в субъективной рефлексии дневниковых записей, не в психологических наблюдениях, не в научных или моральных штудиях, но в реальной жизни, за пределами каких-либо субъективных проекций и абстрактных определений. Художник, вопреки распространенному мнению, отнюдь не тонет в потоке своего сознания. Он видит и созерцает не вещь, но ее бытие.

Выход к бытию – важнейшая проблема для всего корпуса философских наук и философ-

ских практик XX столетия. Среди многочисленных теоретических концепций и практических рецептов выделяется то, что можно было бы назвать эстетизированной онтологией. Вопрос о достижимости эстетического сведения всего разнообразия жизненных отношений в одном герое нашего жизненного романа М.М. Бахтин решает не просто «по-философски», но в предельном онтологическом выражении: «Надбытийственная активность автора – необходимое условие эстетического оформления наличного бытия» [2, с. 203]. Схватить нечто в его бытийной самостийности – активно утвердить свою внеаходимость по отношению к нему (а не, наоборот, погрузиться в него). Именно во мне (не в другом) «радуется моя дружба» [2, с. 204]. Я могу (и должен) «объективировать себя самого и свою жизнь художественно», достичь бытийного эффекта, а не психологической истерии. Автор моей жизни – «это не я средствами другого, а это сам ценный другой во мне» [2, с. 218].

Позиция внеаходимости может достигаться разными средствами в разных ситуациях. Но универсальным значением обладает граница наличного бытия, где поджидает нас смерть и обитает наша судьба. Достижение этого уровня онтологического обращения возможно только изнутри эстетического отношения. Мы обладаем антропологически заданной способностью выходить за пределы самих себя; онтологическое обращение человеческой субъективности, безусловно и полностью, возможно через эстетический акт – единственное действие, способное проникать во все без исключения отношения человека к миру.

Список литературы

1. Бахтин М.М. <К философии поступка> // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Рус. слов.: Яз. славян. культур, 2003. С. 7–68.
2. Бахтин М.М. <Автор и герой в эстетической деятельности> // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Рус. слов.: Яз. славян. культур, 2003. С. 69–263.
3. Гоготшвили Л.А., Аверинцев С.С. Комментарии // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Рус. слов.: Яз. слав. культур, 2003. С. 351–492.
4. Холквист М., Кларк К. Архитектоника ответственности // М.М. Бахтин: pro et contra. Т. 2. СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. С. 37–71.

5. Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. М.: Прогресс, 1996. 342 с.
6. *Бонецкая Н.К.* Бахтин глазами метафизика. М.; СПб.: Центр гуманист. инициатив, 2016. 552 с.
7. *Бонецкая Н.К.* Русский экзистенциализм. СПб.: Алетейя, 2021. 666 с.
8. *Махлин В.Л.* Второе сознание: подступы к гуманитарной эпистемологии. М.: Знак, 2009. 626 с.
9. *Николаев Н.И.* М.М. Бахтин в 1910-е и 1920-е годы: единство пути // Идеи Михаила Бахтина и вызовы XXI столетия: от диалогического воображения к полифоническому мышлению: материалы XVII Междунар. Бахтинской конф., г. Саранск, 5–10 июля 2021 г. / отв. ред. Н.И. Воронина; ред.-сост.: С.А. Дубровская, И.В. Клюева, А.А. Сычев. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2021. С. 32–34.
10. *Морсон Г.С., Эмерсон К.* Михаил Бахтин. Создание прозаики: Фрагмент // М.М. Бахтин: pro et contra. Т. 2. СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. С. 72–97.
11. *Hirschkop K.* Mythmaking: Why Bakhtin Went Back to the Future in the 1930s // Идеи Михаила Бахтина и вызовы XXI столетия: от диалогического воображения к полифоническому мышлению: материалы XVII Междунар. Бахтинской конф., г. Саранск, 5–10 июля 2021 г. / отв. ред. Н.И. Воронина; ред.-сост.: С.А. Дубровская, И.В. Клюева, А.А. Сычев. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2021. С. 57–61.
12. *Сычев А.А.* Этика норм и философия поступка // Гуманит. вед. ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2019. № 2(30). С. 121–129. DOI: [10.22405/2304-4772-2019-1-2-121-129](https://doi.org/10.22405/2304-4772-2019-1-2-121-129)
13. *Конев В.А., Иванова В.Н.* Событие: философия *sub specie eventi* // Филос. журн. 2021. Т. 14, № 3. С. 35–49. DOI: [10.21146/2072-0726-2021-14-3-35-49](https://doi.org/10.21146/2072-0726-2021-14-3-35-49)
14. *Бахтин М.М.* Искусство и ответственность // *Бахтин М.М.* Собр. соч. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Рус. слов.: Яз. славян. культур, 2003. С. 5–6.
15. *Тарковский А.А.* Я прощаюсь со всем... // *Тарковский А.А.* Благословенный свет. СПб.: Северо-Запад, 1993. С. 145.
16. *Лосев А.Ф.* Проблема художественного стиля. Киев: Collegium, 1994. 288 с.
17. *Heidegger M.* Sein und Zeit. Tübingen: M. Niemeyer, 1967. 437 p.
18. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
19. *Heidegger M.* Gesamtausgabe. Band 12. Unterwegs zur Sprache. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1985. 262 p.
20. *Хайдеггер М.* Разъяснения к поэзии Гельдерлина. СПб.: Акад. проект, 2003. 320 с.

References

1. Bakhtin M.M. K filosofii postupka [Toward a Philosophy of the Act]. Bakhtin M.M. *Sobranie sochineniy. T. 1. Filosofskaya estetika 1920-kh godov* [Collected Works. Vol. 1. Philosophical Aesthetics of the 1920s]. Moscow, 2003, pp. 7–68.
2. Bakhtin M.M. Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti [Author and Hero in Aesthetic Activity]. Bakhtin M.M. *Sobranie sochineniy. T. 1. Filosofskaya estetika 1920-kh godov* [Collected Works. Vol. 1. Philosophical Aesthetics of the 1920s]. Moscow, 2003, pp. 69–263.
3. Gogotishvili L.A., Averintsev S.S. Kommentarii [Commentaries]. Bakhtin M.M. *Sobranie sochineniy. T. 1. Filosofskaya estetika 1920-kh godov* [Collected Works. Vol. 1. Philosophical Aesthetics of the 1920s]. Moscow, 2003, pp. 351–492.
4. Holquist M., Clark K. Arkhitektonika otvetstvennosti [The Architectonics of Answerability]. *M.M. Bakhtin: pro et contra*. Vol. 2. St. Petersburg, 2002, pp. 37–71.
5. *Besedy V.D. Duvakina s M.M. Bakhtinym* [V.D. Duvakin's Conversations with M.M. Bakhtin]. Moscow, 1996. 342 p.
6. Bonetskaya N.K. *Bakhtin glazami metafizika* [Bakhtin Through the Eyes of a Metaphysician]. Moscow, 2016. 552 p.
7. Bonetskaya N.K. *Russkiy ekzistentsializm* [Russian Existentialism]. St. Petersburg, 2021. 666 p.
8. Makhlin V.L. *Vtoroe soznanie: podstupy k gumanitarnoy epistemologii* [Second Consciousness: Approaches to Humanitarian Epistemology]. Moscow, 2009. 626 p.
9. Nikolaev N.I. M.M. Bakhtin v 1910-e i 1920-e gody: edinstvo puti [M.M. Bakhtin in the 1910s and 1920s: A Single Path]. Voronina N.I. (ed.). *Idei Mikhaila Bakhtina i vyzovy XXI stoletiya: ot dialogicheskogo voobrazheniya k*

polifonicheskomu myshleniyu [Ideas of Mikhail Bakhtin and Challenges of the 21st Century: From Dialogic Imagination to Polyphonic Thinking]. Saransk, 2021, pp. 32–34.

10. Morson G.S., Emerson C. Mikhail Bakhtin. Sozdanie prozaiki: Fragment [Mikhail Bakhtin: Creation of a Prosaics: A Fragment]. *M.M. Bakhtin: pro et contra*. Vol. 2. St. Petersburg, 2002, pp. 72–97.

11. Hirschkop K. Mythmaking: Why Bakhtin Went Back to the Future in the 1930s. Voronina N.I. (ed.). *Idei Mikhaila Bakhtina i vyzovy XXI stoletiya: ot dialogicheskogo voobrazheniya k polifonicheskomu myshleniyu* [Ideas of Mikhail Bakhtin and Challenges of the 21st Century: From Dialogic Imagination to Polyphonic Thinking]. Saransk, 2021, pp. 57–61.

12. Sychev A.A. Etika norm i filosofiya postupka [Ethics of Norms and Philosophy of Act]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo*, 2019, no. 2, pp. 121–129. DOI: [10.22405/2304-4772-2019-1-2-121-129](https://doi.org/10.22405/2304-4772-2019-1-2-121-129)

13. Konev V.A., Ivanova V.N. Event: Philosophy *sub specie eventi*. *Filosofskiy zhurnal*, 2021, vol. 14, no. 3, pp. 35–49 (in Russ.). DOI: [10.21146/2072-0726-2021-14-3-35-49](https://doi.org/10.21146/2072-0726-2021-14-3-35-49)

14. Bakhtin M.M. Iskusstvo i otvetstvennost' [Art and Answerability]. Bakhtin M.M. *Sobranie sochineniy. T. 1. Filosofskaya estetika 1920-kh godov* [Collected Works. Vol. 1. Philosophical Aesthetics of the 1920s]. Moscow, 2003, pp. 5–6.

15. Tarkovsky A.A. Ya proshchayus' so vsem... [I'm Saying Goodbye to Everything...]. Tarkovsky A.A. *Blagoslovennyy svet* [The Blessed Light]. St. Petersburg, 1993, p. 145.

16. Losev A.F. *Problema khudozhestvennogo stilya* [The Problem of Artistic Style]. Kiev, 1994. 288 p.

17. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen, 1967. 437 p.

18. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Moscow, 1997. 451 p.

19. Heidegger M. *Gesamtausgabe. Vol. 12. Unterwegs zur Sprache*. Frankfurt am Main, 1985. 262 p.

20. Heidegger M. *Erläuterungen zu Hölderlins Dichtung*. Frankfurt am Main, 1951 (Russ. ed.: Khaydegger M. *Raz'yasneniya k poezii Gel'derlina*. St. Petersburg, 2003. 320 p.).

DOI: 10.37482/2687-1505-V219

Vladimir N. Zheleznyak

Perm National Research Polytechnic University;

Komsomol'skiy prospekt 29, Perm, 614990, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1961-6406> e-mail: shlezo2@gmail.com

Andrey V. Politov

Perm National Research Polytechnic University;

Komsomol'skiy prospekt 29, Perm, 614990, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4175-9040> e-mail: erikhczeren@yandex.ru

ON THE QUESTION OF AUTHOR AND HERO IN M.M. BAKHTIN'S PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY OF THE EARLY PERIOD

This article is an ontological and existential interpretation of Mikhail Bakhtin's early works (*Art and Answerability; Toward a Philosophy of the Act; Author and Hero in Aesthetic Activity*), containing a deep philosophical-anthropological and innovative, in historical and philosophical terms, dialectic of author and hero. The study suggests that during his years in Nevel and Vitebsk Bakhtin strove for an ontological and ethical deepening of the aesthetics of verbal creativity, asserting (on the ontological

For citation: Zheleznyak V.N., Politov A.V. On the Question of Author and Hero in M.M. Bakhtin's Philosophical Anthropology of the Early Period. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 6, pp. 83–93. DOI: 10.37482/2687-1505-V219

plane) the being of the hero and, accordingly, the ontological status of the author and the literary work. Unlike with being (an objectively outside position), it is possible to argue with the "author" (a subjectively involved position); the existing (genuine) author is present in the literary work in the form of events that are transgredient (out-of-reach) to the hero's consciousness. While a hero's life unfolds as a sequence of actions, the real author is hidden in the hero's fate (in fact, his own fate) and must be responsible for him. In order to embrace his life in a holistic event, an individual needs to "disappear" as a psychological subject in the practical procedure of ontological conversion of consciousness and relate himself to the moments of his life that are transgredient to his personality. The sum of such moments can be called human destiny. In order to be a full-fledged, real author for the hero, the "subject" must become an author for himself (regardless of whether he is going to become an artist or not). As a result, an objective ontological and existential situation arises, in which the hero and the author undergo an ontological and aesthetic conversion (neutralization of bad subjectivity).

Keywords: *M.M. Bakhtin, anthropology, human, outsideness, ontological conversion, philosophical aesthetics, author, hero.*

Поступила 30.04.2022

Принята 20.10.2022

Опубликована 12.12.2022

Received 30 April 2022

Accepted 20 October 2022

Published 12 December 2022